

Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии»; сборники «Социалистическое знание» (Т. 1–3); работы В. Либкнехта, Г.В. Плеханова, П.Л. Лаврова, Л. Блана, Е. Дюринга, Ф. Лассалля. Литература печаталась в типографии Н.А. Янковской. В мае 1884 г. «Общество» было разгромлено полицией.

² См. прим. 4 к док. 1.

³ Напомним, что ввиду действовавшего в то время в Германии «закона против социалистов», последние были вынуждены печатать свои произведения за границей (сначала в Цюрихе, затем в Лондоне) и нелегально перевозить и распространять их в стране; центральный орган их «Social-democrat» также там печатался. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁴ Очевидно имеется в виду съезд землевольцев-политиков в июне 1879 г. в Липецке.

⁵ Речь идет о переводе В.И. Засулич одного из первых произведений зрелого марксизма (1847). См.: Маркс К. Нищета философии: Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / С предисл. и прим. Ф. Энгельса. Женева, 1886.

⁶ Смысл существования (фр.).

⁷ В центре политической жизни Ирландии 1880-х гг. была борьба за самоуправление в рамках Британской империи. При этом часть партии гомрулеров (сторонников автономии), напуганная размахом крестьянского движения, отошла от политической деятельности и сосредоточила свои усилия на культурно-просветительской деятельности.

⁸ Речь идет о еврейских погромах на Юге России весной 1881 г. и весной 1882 г. Народовольцы первоначально рассматривали погромы как начало широкого народного движения. П.Б. Аксельрод решительно выступал против такой оценки. Подробнее см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 65–68, 118–119, 131, 405–419.

⁹ Якобинская диктатура – апогей Великой французской революции (июнь 1793 – июль 1794 г.). Была установлена в результате народного восстания, приведшего к власти якобинцев (крайне левая политическая группировка, члены Якобинского клуба). В борьбе с политическими противниками якобинцы установили в стране систему террора.

¹⁰ С весны 1792 г. начались войны коалиции европейских государств против революционной Франции. В коалицию входили Австрия, Пруссия, Сардинское королевство, Англия, Нидерланды, Испания, Неаполитанское королевство и др. Первоначально французская армия в результате предательства части командного состава терпела поражения. Интервенты были остановлены революционными французскими войсками при Вальми в сентябре 1792 г. В первой половине 1793 г. французская армия вновь терпела поражения. Ее новые успехи были связаны с якобинской диктатурой.

¹¹ Имеются в виду якобинцы.

¹² Как видим, несмотря на свой скептицизм, П.Б. Аксельрод все же очень оптимистически смотрел на тогдашнее политическое положение: ему, очевидно, представлялось, что в ближайшем будущем наша страна добьется политической свободы. – Прим. Л.Г. Дейча.

¹³ Обращаю внимание, что это сообщение Аксельрода показывает, насколько мы были правы, когда при основании нашей группы рассчитывали на предстоящее увеличение контингента эмигрантов, о чем я сообщил в статье «Первые шаги группы "Освобождение труда"», в сборнике № 1. – Прим. Л.Г. Дейча.

1884

3

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1884, 28 мая (9 июня)

С.-Петербург

Дом предварительного заключения¹

Милая, дорогая моя Саша!²

Только на днях получил позволение ответить тебе³ (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «закон-

ной» женой – чего не бывает?). Я представляю себе, до чего поразило и огорчило тебя все произошедшее со мною⁴. В этом немало я сам виноват и вполне чувствую свою вину. Но дай расскажу тебе, как все произошло. После твоего отъезда, к[о]т[о]рый, помнишь, был за три дня до решения суда, я жил уже мыслью о скором возвращении к тебе, строил всякие планы и пр. В день суда, утром, меня зовут к прокурору⁵, думаю: «Это он хочет раньше, чем я получу⁶ формальное уведомление о моем освобождении, устно сообщить мне об этом», – такую любезность предположил с его стороны. Но, увы! Он медленно прочитывает мне одну за другой несколько бумаг, в к[о]т[о]рых говорится, что нет никакого Булыгина, что я – Дейч и т.д. (Между прочим, требуя моей выдачи, русское правительство рекомендует принять меры против возможности побега с моей стороны). Ты представляешь себе, как эти известия подействовали на меня! Думаю, совершенно неожиданный приговор к смертной казни не мог бы более поразить меня. Я тогда понял, что можно поседеть в несколько часов. Я старался, однако, не выдавать себя выражением лица, голосом. Каких это мне стоило усилий! Воображаю, как я тогда выглядел. Моим разуверениям и доказательством неосновательности требований рус[ского] правит[ельства] выдачи прокурор, видимо, не верил, хотя и делал вид, что я могу еще доказать, ч[то] я – не Дейч. Несмотря на это, он до того испугался сообщенных обо мне сведений, что не решался оставаться со мной наедине и звал привратника, словно, если я – wichtiger Nihilist⁷, то непременно должен его съест или взорвать бомбой. Ах, до чего он трусливый и противный старикашка⁸.

К дверям моей камеры приставили человека, о чем я не должен был подозревать; но я тотчас же почувствовал это и ловил то глаз его, то ухо в щелке. Почему-то особенно боялись они за печку, к[о]т[о]рая, заметь, отделяется от камеры толстейшей и густой решеткой, сквозь которую и ½ годовалому ребенку не просунуть головы. (Но немцы – народ услужливый). Сказали ему «оберегать», так он и там увидит возможность убежать, где и с крыльями не улетишь. Или уж слава о чудесах русских революционеров тому причиной? Но до чего они меня смешили потом по дороге этими опасениями и предосторожностями (впрочем, были очень вежливы и предупредительны). На следующий день приехал во Фрейбург киевский товарищ прокурора узнавать меня⁹. Он утверждал, что видел меня в Киеве, я отрицал, – я, действ[ительно], не помню его. После этого не было уже сомнения, ч[то] меня выдадут. Я, однако, продолжал не признаваться вплоть до русской границы, где меня встретили жандармы с веселыми, ликующими лицами и восклицаниями: «А вот вы, г. Дейч! Наконец-то! А похудели!». Я более не стал отпираться.

Я вскоре оправился несколько от первого впечатления, стал приучать себя к мысли о разлуке с тобою, друзьями, о разбитых планах, надеждах и начал готовиться к отъезду. Не знаю, получила ли ты тогда посланные мною тебе 2 книги и письмо, в к[о]т[о]ром просил тебя выслать мне деньги, книги и платье? Я уже думал о приговоре и долголетней жизни на каторге довольно хладнокровно. Тяжело б[ыло] как, отчасти, и теперь еще – представлять себе суд. Неприятное ощущение фигурировать по *тому* делу. Но просыпаясь однажды с мыслью: «А не лучше ли, чем все предстоящее мне переживать, чем медленно, со всякими муками умирать, разом покончить?» Я спокойно начал разбирать все pro и contra¹⁰. Ты, конечно, занимала важнейшую роль в этих взвешиваниях. Я не мог остановиться пока ни на каком решении. Это б[ыло] в воскресенье. «Ну, да сегодня, думаю, все равно не придет еще ответ из Карлсруэ, – успею еще поду-

мать». Вдруг зовут к прокурору, который прочитывает решение баденского правительства выдать меня как уголовного преступника, и объявляет, что сегодня повезут меня. Укладываю свои вещи и вместе продолжаю решать прерванную мысль. «Откладывать, – думаю, – нечего, лучше это сделать здесь». Тут у меня б[ыла] целая масса соображений и, право, даже «умные», «практичные»* – как это ни странно!.. Лишь только спустил ноги, я тотчас же потерял сознание, – очень искусно устроил это... Проснулся как от продолжительного тяжелого сна, но первые несколько минут не мог говорить, двигать никаким членом; около меня суетятся, я тотчас же все припомнил. Мне жалко б[ыло], ч[то] не удалось, и вместе как бы доволен б[ыл], – здесь, впрочем, примешивалось и суеверие некоторое.

Ну, вот тебе почти полное изложение всего пережитого мною. Я опустил многие соображения, интересные более с психологической стороны.

Ты просишь не повторять этого. Даю тебе обещание, как бы мне впредь не б[ыло] тяжело. Я, впрочем, не могу ручаться, что всегда буду при полном здравом уме, – ты ведь знаешь, я склонен к умственному расстройству; но, надеюсь, и последнее не случится, особенно если пойду на Кару¹¹, куда должны меня, как уголовного, послать. Тебе, конечно, во Фрейбурге уже сказали, ч[то] выдали меня на том условии, ч[то] будут судить меня с присяжными. И действительно, следствие производится обыкновенным порядком, и содержусь я не в крепости, как это б[ыло] в первые две недели, а в Доме, где ты сидела в 76–77 гг.¹². Вообще, пока со мною обходятся очень хорошо, и я вполне доволен этим. Наказание за покушение на Гориновича¹³ по закону предстоит мне сравнительно небольшое, но я не знаю, надеяться ли свидеться и быть еще с тобою? У меня, признаться, нет надежды, но чем черт не шутит! Во всяком случае, надо приучать себя к мысли о долгой разлуке. Умоляю тебя, береги себя, старайся развлекаться, замени меня в издательской деятельности. Надеюсь, дела вошли уже в колею, и издания у вас продолжают? Противное меня очень бы огорчило. Напиши мне, что у вас делается? Как ты и Вера устроились? Что она подделывает? Воображаю, как огорчены и расстроены вы обе! Это мне больнее всего. Утешить мне вас невозможно, хотя, объективно говоря, мы не вправе сетовать: ведь хуже заплатились товарищи и на много лет раньше попались, – я все же пожил, хоть мне и теперь всего 28 лет. Но знаю, что эти утешения не в утешение. Суд будет, вероятно, скоро, так как следствие уже почти закончено. Не думаю, чтобы он вышел сколько-нибудь интересным: я отношусь к нему с неприязнью, если можно так выразиться, не хочется мне думать о нем – неприятно, тяжело. К тому же дело старое, всем известное.

Воображаю, как галдели иностран[ные] газеты по поводу моей выдачи. Напиши, что в них писалось. После суда вышло некоторые вещи тебе (часы, кольцо), ты раздашь их на память и оставишь там, кроме некоторых книг, к[о]т[о]рые вышли мне, а именно: сочинения Фихте, Канта, Шопенгауэра, *Gesch[ichte] der Philosophie Schwegler's*¹⁴ и *Ueberweg's*¹⁵ (она у Павла; также не даст ли он своей истор[ии] Греции Курциуса¹⁶), *Gesch[ichte] der Judentum*¹⁷, социологию Спенсера¹⁸, и пусть Вера и Жорж выберут побольше книжек «National Bibliothecque» – франц[узские] и немецкие издания по 25 с[антимов], также франц[узско]-русс[кий] и нем[ецко]-русс[кий] словари. Все это вышло мне по след[ующему] адр[есу]: г-ну прокурору судебной палаты (для такого-то) в СПБ., и

* Прочитавши это место, Вера, думаю, скажет: «...Ох уж мне эти «умные», «практичные» соображения! Он вечно что-нибудь невозможное подделывает». Не так-ли?

только. Пиши по этому же адресу; также вышли мне рублей 75 рус[скими] деньгами. Надеюсь еще тебе писать. А пока крепко-крепко обнимаю и много-много целую, тоже Веру, Аню, Павла, Жоржа, Розу, Надю, Лизу и всех, всех друзей и приятелей, – я с большой нежностью вспоминаю их всех. Пиши же подробно, что у вас делается. Пусть Лиза время от времени посылает деньги отцу Якова. Ну, будь здорова и по возможности спокойна. Еще целую. Отвечай поскорее.

Твой Лев Дейч

Посланные тобой мне на память книги я не получил, должно быть, где-ниб[удь] застряли¹⁹.

Всякой вещи, напоминающей мне [о] о тебе, буду, конечно, очень рад.

В Credit Lyonnais²⁰ остались мои 55 фр[анков] (а может, и более); пусть Жорж зайдет и попросит, чтобы ему дали бланку чека, к[о]т[о]рую ты мне вышл[и], я напишу на ней, чтобы выдали ему оставшуюся сумму. Не забудь сделать это. Жалко, чтобы деньги пропали зря. Пусть Вера припишет в твоём письме. Прошу тебя, Вера, напиши хоть несколько слов о себе. Не знаю, получила ли твоё последнее письмо из Фрейбурга с книгой. Вытребуи из Фрейбурга (через адвоката) оставшиеся там книги с сундуком²¹.

РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД 1/29.1. Л. 1 – 2 об.

Автограф. Опубли.: Группа «Освобождение труда», Сб. 5.

С. 91–94. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Дом предварительного заключения (ДПЗ) – следственная тюрьма в Петербурге (первая в России), введена в действие в 1875 г. Рассчитана на 700 заключенных (317 одиночных и 68 общих камер). В ДПЗ содержались главным образом участники революционного движения во время следствия и суда (процессы проходили в здании Петербургского окружного суда, соединенного с ДПЗ подземным коридором). Первые узники – фигуранты «процесса 193-х».

Об аресте Л.Г. Дейча и выдаче его германскими властями России известно следующее. Уехавший в Россию С.Л. Гринфест нашел там не только отдельных лиц, но и целые кружки, согласившиеся взять на себя оплату не только изданий группы «Освобождение труда», но и контрабандный провоз ее в Россию. На полученные средства он организовал путь через границу и ждал от группы «Освобождение труда» транспорта литературы. Остановка была за группой. Она не могла расплатиться с долгами и залезла в новые. Студент Городище предложил за свой счет перевезти транспорт через швейцарско-германскую границу, а оттуда отправить его по почте в указанный Гринфестом пропускной пункт на русской границе.

В конце февраля 1884 г. Дейч отправился в Берн, чтобы познакомиться с местной группой, достать денег и поехать в Цюрих для скорейшей отправки транспорта. Он получил в Берне весьма значительную сумму, существенно превышавшую требовавшуюся. В Цюрихе издавался немецкий «Социал-демократ». Дейч решил воспользоваться контрабандным путем через швейцарско-германскую границу у Ю. Мотеллера, которым эта газета ввозилась в Германию. Однако, незадолго до этого, этот путь провалился. В Базеле у Дейча имелся еще один знакомый швейцарский социал-демократ, именший контрабандный путь через границу. П.Б. и Н.И. Аксельрод уговаривали Дейча самому границу не переходить. С Дейчем в Базель поехала Надежда Исааковна. Он имел с собой заграничный паспорт мужа Фелици Шейфель на имя «Александра Булыгина из Москвы». Предназначавшаяся для перевозки литература была разложена в два больших сундука – сверху лежали в одном мужские, в другом женские вещи, чтобы при осмотре в таможе не возбудить подозрений.

Из Цюриха они выехали 9 марта. Втроем отправились на вокзал, находившийся уже на немецкой территории, где швейцарец откомендовал Дейча своему знакомому таможеннику. Осмотр прошел чисто формально. Далее нужно было доехать до ближайшего немецкого города и оттуда по почте переслать литературу в указанный Гринфестом пункт. Надежда Исааковна хотела это сделать сама, но Дейч воспротивился, потому что решил в Германии встретиться с О.Е. Слободским, который обещал наверняка достать для группы весьма крупную сумму. Он уехал один. На вокзале во Фрейбурге Дейч отдал ящики первому попавшемуся носильщику,

который и доставил их в ближайшую гостиницу «Фрейбургское подворье». Совершенно случайно она находилась в поле зрения местной полиции. За несколько дней до приезда Дейча здесь провалился контрабандный транспорт литературы польских революционеров. Полиция провела у Дейча обыск и арестовала его, связав его приезд с недавним инцидентом. Он был заключен в местную следственную тюрьму, и началась процедура установления его личности. Вначале дело обещало благополучно разрешиться. В качестве переводчика Дейчу предоставили хорошо знакомого ему местного профессора истории А. Туна, а немецкие социал-демократы предоставили ему опытного адвоката. Тун сообщил об аресте Дейча членам группы «Освобождение труда». Во Фрейбург приехали П.Б. Аксельрод и В.И. Засулич. Товарищи Дейча приложили все усилия, чтобы его личность была идентифицирована как «Александр Булыгин». Однако в ход дела опять вмешался случай. Прибывший в то время во Фрейбург товарищ прокурора Петербургской Судебной палаты Н.М. Богданович, убитый впоследствии эсерами в качестве уфимского генерал-губернатора, опознал Дейча. В середине 1870-х гг. он был товарищем прокурора Киевского Окружного суда. В начале 1876 г. Дейч содержался как подследственный в киевском тюремном замке, но бежал оттуда. Стал активным членом кружка «южных бунтарей» и участником «Чигиринского заговора», он вместе со своими товарищами Я.В. Стефановичем и И.В. Бохановским совершил покушение на жизнь провокатора Н.Е. Горниовича, изуродовав его. В сентябре 1877 г. Дейч был вновь арестован и опять очутился в киевской тюрьме, а в мае 1878 г. опять бежал и теперь уже скрылся за границу. Богданович потребовал у баденских властей выдачи Дейча по этим давним делам. В середине мая 1884 г. соответствующее положительное решение германских властей было принято и Дейч под конвоем был доставлен в Россию. В Петербурге он сначала был помещен в Петропавловскую крепость, а затем как подследственный переведен в Дом предварительного заключения. — См.: Аксельрод П.Б. Группа «Освобождение труда» // Летопись марксизма. Т. III. М.: Л., 1928. С. 100–101; Дейч Л.Г. Первые шаги группы «Освобождение труда». (Конец 1883 – начало 1884 г.) // Группа «Освобождение труда». Сб. 1. М., 1924. С. 41–47; Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 3-е изд. М., 1924. С. 3–5, 8–9, 12–15, 16, 25, 29–30, 34, 36–37, 39, 43, 46.

² Так как жена Булыгина, с паспортом которого я был арестован во Фрейбурге, приезжала ко мне туда на свидание в качестве «моей жены», о чем я подробно сообщил в книге «16 лет в Сибири», и от ее же имени, но по содержанию принадлежавшее Вере Засулич, мне передал письмо, адресованное во фрейбургскую тюрьму, когда я уже сидел в Петропавловской крепости, то, получив дозволение ответить моей будто бы «невесте», я обращался как бы к ней, Булыгиной (в действительности являвшейся неизвестной Фелицией Шефтель), будучи уверен, что мои друзья поймут эту мою конспирацию, как оно и оказалось потом. — Прим. Л.Г. Дейча.

³ Когда я летом 1884 г., будучи выдан германским правительством, находился в Петропавловской крепости, мне однажды было передано смотрителем письмо от В.И. Засулич, адресованное еще во Фрейбургскую тюрьму и пересланное оттуда в Петербург. На нем были печати и подписи разных лиц и учреждений — директора Департамента полиции, прокурора судебной палаты, коменданта крепости, — через руки которых оно прошло. По прочтении его мною у меня его, конечно, отобрали. Когда же после перевода меня в Дом предварительного заключения министр юстиции Набоков, при посещении этой тюрьмы, спросил меня, не имею ли чего заявить, я спросил, могу ли ответить на письмо «моей замужней сестры, живущей в Цюрихе», на что я получил утвердительный ответ. Написав письмо своим друзьям, я выставил на конверте улицу и номер дома, где жил Аксельрод, но, опустив его фамилию, ограничился одним его именем по-немецки — «Herrn Paul»: выходило, будто моя сестра замужем за «г-м Паулем». Ответом на мое письмо были три письма: от Веры Ивановны, Георгия Валентиновича и Павла Борисовича в одном конверте, полученные мною уже после суда надо мною в Одессе.

Сохранив у себя эти письма, ввиду имевшихся на них штемпелей и подписей разных должностных лиц и учреждений, я затем всюду, при случае, ссылался на разрешение, данное мне самим министром юстиции, а также, мол, директором Департамента полиции и т. п. важными особами, доказательством чего служили штемпель, печати и подписи этих лиц. Этого моего права никто нигде не оспаривал: даже подполк ищейка, карийский комендант Николин, увидев на привезенных мною письмах разрешение директора Департамента полиции и подобных лиц, — не отыскал повода придираться и разрешил иметь эти письма при себе. Поэтому все время пребывания на Каре, затем в вольной команде и на поселении вплоть до моего побега из Сибири в 1901 г. не прекращалась моя переписка с членами группы «Освобождение труда».

К сожалению, не все мои письма к друзьям сохранились в архиве Плеханова, где я их нашёл в 1922 г. в Париже. В них, хотя и с большими пропусками, имелись небезытересные сообщения и иллюстрации моей и моих друзей жизни за семнадцатилетний период нашей разлуки, но пока, к сожалению, у меня в руках находится лишь письма за первые 9 лет, да и то, повторяю, далеко не все. Ещё в большей степени досадно и огорчительно, что письма этих друзей ко мне за весь долгий период разлуки с ними я сам уничтожил, сжегши их (также огромное количество других документов и рукописей) накануне своего побега из Благовещенска вследствие боязни взять весь этот богатый архив с собою, а также и оставить его у кого-нибудь на хранение, чтобы не дать посторонним лицам возможности рыться в частной корреспонденции. Это была преступная несообразительность с моей стороны, которой я не могу себе простить: я сам истребил драгоценнейшие материалы! Но ничего не поделаешь теперь... — Прим. Л.Г. Дейча.

Письмо В.И. Засулич не разыскано.

⁴ То есть арест Дейча во Фрейбурге и выдача его российским властям.

⁵ Речь идет о суде, который должен был подтвердить, что он — Булыгин и принять решение: оставить ли его на свободе в Германии или выслать в одну из соседних с Германией стран, скорее всего в Швейцарию. В тот день, когда должен был состояться суд, Дейч был вызван к баденскому прокурору, который ознакомил его с документами, присланными из России, доказывавшими, что он — не Булыгин, а Дейч — уголовный преступник, разыскиваемый русскими властями по делу Гориневича. Таким образом, судебное заседание в Бадене не состоялось, и началась подготовка к выдаче Дейча российским властям.

⁶ Слово «получу» приписано сверху вместо зачеркнутого «состоится».

⁷ Важный ингилист (нем.).

⁸ Думаю, что он, как и следовало, хитрил с нами, когда уверял, что буду скоро освобожден: тогда, вероятно, велись уже переговоры о моей выдаче. — Примечание приписано Л.Г. Дейчем внизу странички.

⁹ Богданович Н.М.

¹⁰ За и против (лат.).

¹¹ Кара — река, приток реки Шилка в Забайкальской области, на которой располагалось несколько каторжных тюрем.

¹² Скорее всего, ошибка. В.И. Засулич с мая 1869 по март 1871 г. содержался в Литовском замке и Петропавловской крепости до административной высылки по нечаевскому делу. В 1875—1877 гг. была вместе с Л.Г. Дейчем членом кружка «южных бунтарей» на Украине. В Петербург вернулась в 1877 г. 24 января 1878 г. совершила покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и была арестована. Судом присяжных она была оправдана 31 марта 1878 г. и скрылась за границу. Очевидно, Дейч имеет в виду ее кратковременное заключение в ДПЗ как подследственной в конце января — марте 1878 г.

¹³ Воспоминания об этом приведены в книге Л.Г. Дейча «16 лет в Сибири» (М., 1924. С. 61—65), характеристика процесса дана в книге Н.А. Троицкого «Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895 гг.» (М., 1979. С. 100—101).

¹⁴ Очевидно, речь идет о его руководстве по истории философии, долго считавшемся образцовым по ясности и сжатости изложения и переведенном и на русский язык («Geschichte der Philosophie im Umriss» — 1848).

¹⁵ Вероятно, речь идет об Иберwege (Ueberweg) Фридрихе (1826—1871) — немецком философе, логике и историке философии.

¹⁶ Курциус (Curtius) Эрнст (1814—1896) — немецкий историк античности, археолог, руководитель раскопок в Олимпии. Речь идет о его книге «История Греции» (Т. 1—2. 2-е изд. М., 1880—1883).

¹⁷ Очевидно, речь идет о книге немецкого историка Маркуса Носта (lost) «Geschichte des Judenthums und seine Sekten».

¹⁸ Очевидно, речь идет о его трехтомном труде «Основания социологии» (The Principles of Sociology, 3 vol., 1876—1896).

¹⁹ Эта и следующая строки написаны автором по верхнему и боковому полям последней странички письма.

²⁰ Crédit Lyonnais — один из трех крупнейших банков Франции, основанный в Лионе в 1863 г.

²¹ Весь последний абзац приписан автором по верхнему и боковому полям внутреннего развернутого листа письма.

«Книжки с сундуком» — Л.Г. Дейч привез во Фрейбург нелегальную литературу в сундуке с личными вещами.

1884, 1(13) октября
Одесса¹

Дорогая сестра²!

Наконец, после долгих ожиданий, сменявшихся отчаянием (и обратно), получил³ вчера твое письмо от 25 (13) сен[ября]⁴, и то только благодаря⁵ прокурору Окружного суда⁶. Какое наслаждение и утешение доставили мне эти ваши письма⁷ – особенно твое, – ты поймешь по прочтении моего письма. Дело в том, что недели две тому назад здесь был министр юстиции⁸; на его вопрос, не имею ли чего заявить⁹ (я его видел уже летом в Петербурге, – он производит довольно приятное впечатление), я решился попросить его, чтобы меня оставили здесь до весны и не переводили на положение лишенного всех прав, ввиду того, что зимою гораздо труднее свыкнуться с условиями, связанными с этим новым званием. Он, кажется, предложил местным властям исполнить мою просьбу, п[отому] ч[то] меня вслед за тем перевели в теплую хорошую камеру, дали постель и все¹⁰, чего я был до суда лишен¹¹. Дней 10 я был на седьмом небе, – испытывал невыразимое наслаждение, лежа спать на соломенном матраце: никогда раньше¹² никакая пружинная постель не доставляла мне такого удовольствия. Я, как и местная администрация, думал, что, значит, меня согласились оставить здесь на зиму (что вообще практикуется). Но, увы! Недолго продолжалась мечта¹³: на днях мне объявили о предстоящей отправке меня на будущей неделе в Центральную (Московскую) тюрьму для сыльно-каторжных¹⁴. Таким образом, «комфорт», длившийся две недели, был мне не в пользу, а скорее во вред, так как от этой сравнительно хорошей обстановки (и на две недели ближе к зиме) перейти к кандалам, бритой голове и всему прочему гораздо труднее.

Почти одновременно с этим грустным известием мне объявлено было еще и другое, а именно, что присланные вами 100 рублей, попавшие как раз в руки военного суда, он определил, – за вычетом 16 р. 40 к. судебных издержек, – остальные 82 р. вручить моим наследникам – родным. Мне, конечно, не было бы жаль этих денег, – да и гораздо большей суммы, если бы они были мною самим¹⁵ приобретены и достались бы¹⁶ в наследство моей семье. Но в том-то и дело, что родные¹⁷ мои навряд ли воспользуются этой ничтожной суммой, так как получение ее, верно, будет сопряжено с массой формальностей и издержек, вероятно¹⁸, превосходящих самое «наследство». Теперь ты поймешь, в каком настроении я был под влиянием этих двух известий и какое утешение доставило мне твое письмо, пришедшее в дни сборов в тяжелый и неприятный путь. Вы сильно ошибаетесь, милый Жорж, допуская предположение, что «каторжная жизнь окажется лучше предварительного заключения»¹⁹. Судя по сборам, я уже вижу, что это будет нечто невозможное, – хуже, чем в брошюре «От мертвых»²⁰. На мне, не забывайте, соединяются все неудобства, связанные с положением так называемого «государственного» и «уголовного» преступника. К тому же вследствие неполучения ваших 100 рублей я не могу сделаться «эпикурейцем»²¹, как вы советуете²², в отношении пиши; наоборот, я должен сожалеть, зачем не в достаточной мере был последователем Диогена²³, – тогда, быть может, у меня больше уцелело бы на те времена, когда особенно будет²⁴ нужна копейка, без которой, как говорит Достоевский (в «Записках из Мертвого Дома»²⁵), «каторжный не мог бы прожить и месяца». В этом отношении мое положение хуже, чем всякого другого уголовного (или государственного),

так как, не говоря о непривычке ко всяким лишениям, я к тому же лишен возможности какой-нибудь работой или ремеслом улучшать свою пищу. О занятиях высшей математикой смешно и думать: не говоря уже об отсутствии средств на покупку книг, вот так-таки станут давать мне «многотомные» учебники и необходимые принадлежности для занятий (хотя бы, например, лампу в камере, а не свет из коридора). Рад буду, если удастся приобрести учебники по низшей и смогу ею заниматься при предстоящей обстановке (не забывайте, что в Москве теперь день состоит из каких-нибудь 5–6 часов и какой холод предстоит мне выносить). До сих пор я питался довольно сносно (хотя и не так, как следовало бы, если бы слушаться ваших советов), но, к сожалению, теперь, с ухудшением всех других условий, приходится и от улучшенной пищи отказаться, чтобы²⁶ хватало подольше хоть на чай. От табаку я на днях отказался. Тяжело очень с ним расставаться, не потому, что это сильная потребность, а – единственное развлечение, удовольствие, единственный, можно даже сказать, друг для одиночно заключенного. Я, право, думаю, что % сумасшедших был бы значительно больше, если бы секретным арестантам было запрещено курить. Ведь, расхаживая из угла в угол с папироской, при слабом свете в длиннейшие вечера, не так замечаешь время²⁷, как без курения. Жалко мне было также расставаться с подарком Лизы – portecigar'om²⁸ (я послал его своей сестре Соне), так как у меня его отняли бы или украли, поломали и т.п.

Ужасно жалею, что не получил вашего предыдущего письма, [посланного] в Петербург: оно, верно, где-нибудь застряло (настоящее ваше письмо прошло массу инстанций). Не знаю, почему тебе, Павел, вздумалось послать его по адресу²⁹ Председателя суд[ебной] пал[аты], когда я просил – на адрес³⁰ прокурора Окружного суда? Жаль, что вы хоть в общих чертах не повторили содержания предыдущего. Да, тебе, дорогая, не везет с большими письмами. Но я и этому ужасно рад: оно писано, очевидно, в сравнительно бодром настроении. Я не сомневаюсь, что одобрил бы твоё решение насчет твоего будущего, раз ты обдумала его всесторонне. Очень бы хотел знать, в чем оно состоит? Радует меня твоё известие о большой симпатии, установившейся у вас с «Лизенком» и о прелестном состоянии ее здоровья. Имеет ли она известия от матери маленького Женички, где она и что с нею? Она ведь была с моей сестрой на одном курсе, и, быть может, они в переписке, а то я пишу, пишу моей Соне и не знаю, доходят ли до нее мои письма (теперь она в Кулавской волости, какой-то «Чум-Урюпинской Управы» Земли Войска Донского). Здесь я от нее не имел ни одной строчки. Между тем, Соня единственный человек в семье, с которой я мог бы поддерживать переписку, – других сестер я почти совсем не знаю, каковы они. Ей же я послал свои часы и колечко Ани. Ужасно рад, что и она выздоровела. Старайся, дорогая, не совсем забывать ее: она ведь действительно оторвана от мира. А как здоровье Тamarы³¹? Ты о ней никогда не упоминаешь. Боюсь, не заболела ли и она? Меня это очень огорчило бы. Пусть она едет в теплые страны, к Фридриху Карловичу³², а то и подальше. Зачем шутить со здоровьем? Боюсь, не поздны ли мои советы, и мне страшно подумать, что Фанни останется тоже одна-одинешенька³³.

Однако как много я разболтался о прекрасном поле.

Да, дорогой Жорж, незавидна наша участь: писать брошюру в 10 л[истов] против «настроения»³⁴. Но я никогда не посоветовал бы Вам такой большой заряд выпустить против такого слабого укрепления: ведь на 10 л[истах] можно изложить полную популяриз[ацию] Маркса, что куда полезнее какой бы то ни было «войны с настроением», которое, как таковое, ведь изменчиво, и через 3–6 мес[яцев] воюющая сторона может объявить, что она снова изменила свое настроение, что

по новому ее настроению – этот фактор не столь существен. И что же? Ваша участь будет хуже, чем Ланге, к[о]т[о]рый не успевал ответить на I том Дюринга, как выходил II, III и т.д. Хотя вы меня и уверяли в предыдущем письме, что стали практичны, но, к сожалению, вижу, что вы остались таким же идеалистом (странно, а, может быть, именно потому, что Вы ярый³⁵ марксист, – Вы же и идеалист!). Вы верите в могущество какой-то бесконечной, «полной истины», могущей «увлечь». Это столь же возможно, как то, чтобы Павел сделался Ротшильдом³⁶, какового, впрочем, намерения он клянется, что не имеет. Да, жаль, жаль, что такой большой заряд вы выпустите (и так поздно).

А ты, брат, совсем, кажется, забыл уже о своей работе или только мне не написал? Получил ли ты мое предыдущее письмо³⁷, в к[о]т[о]ром я извещал тебя о суде (о «немилостивости» его, назначившего мне 13 л[ет] и 4 м[есяца] каторж[ных] раб[от], т.е. самый высший размер, какой только было возможно).

Не знаю, придется ли когда еще писать вам, дорогие друзья, а потому прощаемся теперь, если не навсегда, то на многие годы. Уцелею ли я, выживу ли 13 л[ет] 4 м[есяцев] кат[оржных] раб[от] – большой вопрос: да это и не может быть желательно. Во всяком случае печальная перспектива дожить до окончания срока, когда будешь расслабленным, одержимым всевозможными болезнями старикашкой. Страшно задумываться о 1898 году. Сколько перемен за это время! Ваши дети будут уже взрослыми людьми; вы все тоже будете клониться к старости. Я иногда стараюсь представить [себе] вас всех в те отдаленные годы. Воображаю, какой смешной старушкой будет Лиза. Тоже и ты, дорогая, поседешь к тому времени. От всей души, конечно, желаю, чтобы все вы дожили и пережили мой срок каторги³⁸. Не надеюсь когда-нибудь кого-нибудь из вас увидеть. А как бы мне хотелось, хотя бы и много лет спустя!.. Не знаю даже, будут ли достигать до меня какие-нибудь вести о вас, о вольном мире. Старайся, дорогая, давать мне знать о себе хотя бы и изредка.

Одновременно с этим письмом посылаю тебе швейцарскую кредитную монету в 50 fr., сохранившуюся у меня еще из-за границы: ни в Петербурге, ни здесь, как справлялся смотритель в банках, не хотят ее менять, – не имеют сношений с Швейцарией. Разменяй ее и в конце этого месяца вышли руб[лей] 25–30 (не больше) по следующему адресу: Его Высокоблагородию г-ну Смотрителю Московской центральной тюрьмы для ссыльно-каторжного (такого-то). Не посылай больше, так как боюсь; чтобы и с этими деньгами не вышло чего: ведь мне не везет во всех отношениях. Напиши при этом небольшое письмецо, в котором извести только о здоровье своем и других близких мне лиц: не забудь же упомянуть о Тамаре. Право, я опасаюсь, не захворала ли она. Ну, будь же здорова и бодра. Навещай часто Лизенка: ее я часто вспоминаю, как нежно любимую дорогую сестру. Кроме удовольствия и добра, мне от нее ничего другого не приходилось получать. То же, конечно, могу сказать о всех других моих друзьях, и, право, мне никогда не приходит на память о вас ничего, кроме приятного, хорошего. Мои пожелания каждому из вас в отдельности вы знаете. Ну, простите же все всё неприятное, что я когда-нибудь причинил кому из вас. Тяжело расставаться с этим письмом. Тяжело на душе. Всех много-много и крепко целую (случилось так, что я уехал, не простившись почти ни с кем из вас). Ну, будьте же здоровы. Не забывайте меня. Ваш по гроб.

Лев

РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед.хр. 669. АД 1/29.3. Л. 3–5 об.
Автограф с позднейшей правкой, сделанной Л.Г. Дейчем при
подготовке письма к публикации. Опубл.: Группа
«Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 228–34.
Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Л.Г. Дейч должен был по русским законам быть судим на месте совершения преступления – покушения на жизнь Н.Е. Горниновича. Поэтому в конце августа 1884 г. он был перевезен из Петербурга в Одессу. Следствие было завершено к середине сентября. Дело рассматривалось в Военно-окружном суде во второй половине сентября. Прокурор требовал назначения Дейчу 13 лет и 4 месяцев каторги. Последний, считая суд простой формальностью, отказался от адвоката и защищал себя сам. Судебное слушание завершилось вынесением приговора, соответствовавшего требованию прокурора. – См.: *Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири*. М., 1924. С. 61–65.
- ² Один из псевдонимов В.И. Засудич.
- ³ Далее зачеркнуто слово «наконец».
- ⁴ Письмо В.И. Засудич не разыскано.
- ⁵ Вымарано более яркими черными чернилами слово «ему».
- ⁶ Далее вымарано несколько слов более яркими черными чернилами.
- ⁷ Речь идет еще и о не разысканных письмах Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода.
- ⁸ Впервые Дейч с Д.Н. Набоковым встретился еще летом в Петербурге. В Одессе они встретились уже как хорошие знакомые. Посещение министром Дейча в тюрьме способствовало значительно улучшению режима содержания последнего. – См.: *Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири*. М., 1924. С. 66–67.
- ⁹ Фрагмент, начинающийся словами: «на его вопрос...», надписан сверху яркими черными чернилами вместо вымаранного текста.
- ¹⁰ Яркими черными чернилами зачеркнуто слово «такое».
- ¹¹ Фрагмент, начинающийся со слова «чего», надписан сверху яркими черными чернилами.
- ¹² Слово «раньше» надписано сверху яркими черными чернилами.
- ¹³ Слово «мечта» написано яркими черными чернилами поверх слова «идеология».
- ¹⁴ *Бутырская тюрьма* (в просторечии – Бутырки) – сооружена в конце XVIII – начале XIX века по проекту архитектора М.Ф. Казакова как Московский губернский тюремный замок близ Бутырской заставы (отсюда название). По периметру тюрьма окружена каменной стеной с четырьмя башнями: Часовой, Северной, Полнейской и Пугачевской (в последней хранилась железная клетка, в которой в Москву был привезен Е. Пугачев). В 1868 г. была преобразована в Московскую центральную пересыльную тюрьму. В ней формировались этапные партии для отправки в Сибирь. В 1878–1881 гг. создано специальное пересыльное отделение, размещавшееся в башнях.
- ¹⁵ Слово «самим» надписано сверху яркими черными чернилами.
- ¹⁶ «Бы» вписано черными чернилами.
- ¹⁷ Сестры Л.Г. Дейча – М.Г. Афанасьева, С.Г. и К.Г. Дейч.
- ¹⁸ Слово вписано яркими черными чернилами.
- ¹⁹ *Впоследствии оказалось, что ошибся я, а не он, Плеханов*. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ²⁰ Письмо Г.В. Плеханова не разыскано.
- ²¹ Вероятно, имеется в виду очень популярная тогда брошюра А.В. Долгушина «Заживо погребенные» (1878). Это было письмо-протест, написанное от имени политкаторжан, нелегально переправленное на волю и тайно отпечатанное в типографии «Земли и воли».
- ²² *Эпикурец* – человек, стремящийся к комфорту и жизненным удовольствиям. По имени основателя одной из материалистических школ древнегреческого философа Эпикура (341–270 гг. до н.э.).
- ²³ «Как вы советуете» надписано сверху яркими черными чернилами.
- ²⁴ *Диоген Синопский* (ок. 400 – ок. 325 до н.э.) – древнегреческий философ. Проповедовал и практиковал крайний аскетизм, доходивший до эксцентрического юродства, герой многочисленных анекдотов. Называл себя гражданином мира («космополитом»). По преданию, жил в пифосе.
- ²⁵ Слово надписано сверху черными чернилами.
- ²⁶ Речь идет о произведении Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1860–1861), посвященном каторге и каторжанам. Оно было написано по личным воспоминаниям о каторге, которую писатель отбывал в 1850–1854 гг.

²⁸ Слово «чтобы» приписано черными яркими чернилами.

²⁷ Слово «время» надписано сверху черными чернилами.

²⁸ Мундштук (фр.).

²⁹ Одно слово вымарано.

³⁰ Слово вымарано.

³¹ «Тамарой» Г.В. Плеханов в шутку прозвал С.М. Кравчинского.

³² «Фридрих Карлович» – шуточное прозвище Ф. Энгельса.

³³ *Здесь я намекал на угрожавшую С. Кравчинскому опасность так же, как и я, быть выданным России. Впоследствии, из дел Деп[артамента] пол[иции] я убедился, что, действительно, делались такие попытки, но Кравчинский уже до получения этого письма переселился к «Фридриху Карловичу», т.е. в Лондон, где тогда жил Энгельс.* – Прим. Л.Г. Дейча.

³⁴ Речь идет о книге: Плеханов Г.В. Наши разногласия. Женева, 1884. – См.: Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956. С. 115–370.

³⁵ Слово вымарано.

³⁶ *Ротшильды (Rothschild)* – французские банкиры, ведущие дело с XVIII в. Здесь Дейч намекал на начатое тогда П.Б. Аксельродом вместе с женою, свояченицею и дочерью приготовление кефира для продажи. Подробнее о кефирном предприятии Аксельрода см. в его неопубликованных мемуарах: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 50. Д. 103. Л. 85–105.

³⁷ Письмо Л.Г. Дейча П.Б. Аксельроду не разыскано.

³⁸ *Нужно ли объяснить, что в то время, когда я писал это письмо, у меня было ошибочное, не оправдавшееся впоследствии представление о предстоящих мне ужасах каторжной жизни.* – Прим. Л.Г. Дейча.

5

Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

1884, 15 (27) октября
Одесса

Дорогой брат!

Воображаю, как ты и другие родные беспокоитесь, не получая от меня – вот уже третий месяц – никаких известий. Вы, конечно, строите всякие предположения, быть может думаете, не заболел ли я, не случилось ли чего нехорошего со мною. На самом же деле я не писал только потому, что, с тех пор, как я в Одессе, мне не передали ни одного вашего письма. Я и сам не знаю, чем объяснить это: в Петербурге мне тотчас же вручали их, хотя я там был еще под следствием. Теперь же, казалось бы, нет никаких причин задерживать письма от близких мне людей. Около трех недель тому назад г. председатель Военно-Окружного суда сообщил мне, что у него имеется для меня 100 руб[лей] и три письма, к[о]т[о]рые он сам обещал переслать мне. Я со дня на день, в самом напряженном состоянии ждал их, но, увы! До сих пор тщетно! Ты представляешь себе, как это меня огорчает, как грустно знать, что здесь же имеются письма близких, а я не могу их прочитать! Почему¹, казалось бы, и вас подвергать напрасному беспокойству тем, что не получаете ответов на ваши письма? Присланные тобою мне в Петербург деньги приходят уже к концу, к тому же я бы хотел купить некоторые книги, учебники, а между тем, не знаю у кого те 100 руб[лей], о которых говорил мне г. председатель.

Из иностранных газет ты, конечно, знаешь уже, что меня осудили на 13 л[ет] и 4 месяца кат[оржных] раб[от] в рудниках. Основываясь на заявлении петербургских властей, я, признаться, не ожидал такого большого срока. Суд определил мне то наказание, какое требовал прокурор, т.е. самую высшую меру, какая возможна по Улож[ению] о нак[азаниях] (вечную каторгу за убийство, 20 л[ет] –

за покушение и сокращенную на 1/3 ввиду моего несовершеннолетия во время преступления). Защитника я не взял потому, что по Обвин[ительному] Акту уже видел, что он ничем не мог бы мне помочь. Не буду тебе описывать того тяжелого впечатления, какое произвела на меня судебная процедура, – ты и сам, вероятно, представляешь себе это. С моим здоровьем, я, конечно, такого срока не вынесу, а если, паче чаяния выдержу, то буду дряхлым стариком, одержимым всевозможными болезнями: вспомни, что значит у нас каторга!

Пока положение мое сносно – местные власти довольно гуманны, обходятся со мною хорошо, и я бы по гроб был бы им благодарен, если бы только вручили мне письма. Особых лишений в физическом отношении пока не испытую² (страдаю только катаром желудка). Хотя осень здесь еще не настала, но уже прохладно, особенно в моей камере, в которой не вставлены еще стекла. Ужасно хотел бы знать, что с вами, как вам живется, что нового? Не знаю, скоро ли получу ваши письма. Не знаю, придется ли еще писать вам, а потому прощаюсь с Вами. От всей души желаю всем вам всякого благополучия. Доживите спокойно и счастливо не только до 1898 г. – срока моей каторги, – но и до 1984 г. Всех, всех прошу простить и забыть те неприятности и огорчения, которые я вольно или невольно причинил. Я часто прощаюсь мысленно с вами, с милой Швейцарией, произнося стихи Пушкина (из «Евген[ия] Онегина»):

«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!...
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»³

(На эти вопросы я уже выше ответил). Ну, будьте же все, как можно дольше живы и счастливы. Дождитесь хороших времен на нашей родине. Крепко, крепко обнимаю вас всех.

Ваш навсегда Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.2. Л. 1–2.
Автограф. Публикуется впервые.

Примечания

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ Пушкин А.С. Евгений Онегин (седьмая глава, фрагмент XXVIII строфы).

6

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич¹

1884, 16 ноября
Москва

Московская Центральная пересыльная тюрьма²

Дорогая,
последнее твое письмо³ я получил в Одес[ском] тюр[емном] замке почти перед самой отправкой сюда. Оно долго странствовало из инстанции в инстанцию,

и я уже отчаивался его получить, т[ак] к[ак] оно застряло у жандармского полковника, но⁴, благодаря вмешательству прокурора Одесского окр[ужного] суда, оно, наконец, было мне вручено. Я ужасно рад, что ты чувствуешь себя, очевидно, сносно и можешь заниматься чтением. Меня также очень радуют сообщения тобою и товарищами (Жоржем и Павлом) сведения об общем положении дел и о ваших работах⁵. От всей души, конечно, желаю вам всякого успеха. Что сказать тебе о себе? На новом месте чувствую себя очень хорошо; встретил товарищей по дороге в этап (в их числе Малеванного⁶, к[о]т[о]рый идет на 3 года в Восточную [Сибирь]), а затем все народ новый, неизвестный, молодой, но симпатичный, хороший. Со всеми ними я, конечно, в самых лучших отношениях. К сожалению, внутри тюрьмы, в которой нам приходится провести вместе ½ года, мы отделены и не имеем возможности видиться. Помимо этого неудобства, я здесь не имею никаких причин пока быть недовольным своим положением, так как заключение почти не оставляет ничего желать лучшего. Книжки имеются, пища хороша, камеры – также, прогулки и все такое. Ты, конечно, уже знаешь об участии, постигшей посланные тобою 100 руб[лей]: будучи отправлены на адрес суда, они были им употреблены на покрытие⁷ судебных издержек, а остаток был вручен моим⁸ наследникам. Таким образом, у меня имеются только оставшиеся от первой твоей присылки. Пока можешь не посылать мне; но имей всегда наготове русские бумажки, руб[лей] 100–150, и когда я напишу, то вышли мне; но если ты стеснена теперь в деньгах, то как-нибудь обойдусь (причем имей в виду, что без всяких сколько-нибудь значительных лишений; поэтому умоляю тебя, не посылай и не трудись доставать, если у тебя нет лишних)⁹. Не пишу на этот раз много, т[ак] к[ак] на днях только (всего 2 дня) привезен сюда и еще не успел осмотреться, ориентироваться в массе новых впечатлений. Пожалуйста, береги свое здоровье. Пиши, что особенно нового. Шлю сердечнейший привет всем друзьям.

Твой брат Лев

Адрес мой: Его сиятельству, князю Василию Васильевичу Оболенскому, Большая Кисловка, дом Базилевского для осужденного, содержащегося в Московской центральной пересыльной тюрьме – такого-то.

РНЕ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 669. АД. 1/29.4. Л. 6–7.

Автограф с позднейшими исправлениями автора, сделанными

при подготовке письма к печати. Опубл.: Группа

«Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 234–35.

Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Письмо это смазано полуторакхористым железом, – очевидно, «цензор» предположил, что я что-нибудь написал химическими чернилами. Рукой Аксельрода в левом углу на первой странице написано: «хорошее письмо». – Прим. Л.Г. Дейча.

² О ней см. прим. 14 к док. 4. Из Одессы Л.Г. Дейч обреченный, в кандалах и халате каторжника был этапирован в Москву в середине октября. Этап шел через Киев, где осужденных некоторое время содержали в местной тюрьме. В Москву этап прибыл по первым морозам, очевидно, в начале ноября. Осужденных на каторгу разместили в Пугачевской башне Бутырок. – См.: Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 67–68, 73–74.

³ Письмо не разыскано.

⁴ Далее зачеркнуто более яркими чернилами слово «когда».

⁵ Хотя с тех пор прошло 40 лет и писем друзей я не сохранил, но ввиду того, что я их по несколько раз перечитывал, многое из них и теперь удержалось в моей памяти. Мои опасения, что после

моего ареста, ввиду непрактичности всех оставшихся за границей друзей моих, они не смогут раздобыть средства как на продолжение начатой деятельности, так и для собственного их существования, к счастью, не оправдались. Арест мой и сопряженные с ним хлопоты друзей об освобождении меня вызвали среди эмиграции, в особенности среди учащейся за границей молодежи, большое сочувствие к группе «Освобождение труда» (на это, между прочим, указывает последнее письмо Плеханова к Лаврову). В некоторых городах Зап[адной] Евр[опы] начали производиться сборы пожертвований на случай, если баденское правительство, как тогда предполагали, согласится выпустить меня на поруки или когда придется устроить побег, для чего проектировалось приобрести свою лошадь с экипажем. — Прим. Л.Г. Дейча.

⁶ В публикации «Группа "Освобождение труда"» ошибочно вместо Малеванного напечатано «Иван Ник. Присецкий».

⁷ Это слово написано Л.Г. Дейчем позже при подготовке письма к печати.

⁸ Слово «моим» написано Л.Г. Дейчем позже при подготовке письма к печати.

⁹ Сделанное мною в этом письме описание тюремных неудобств было, конечно, чересчур прикрашено, что, вероятно, объяснялось бывшими у меня пред этим опасениями насчет ожидавших меня, в качестве каторжанина, разных скортионов: в действительности же, в Моск[овской] Центр[альной] тюрьме ница была отратительная, камеры в знаменитой Пугачевской башне крохотные, потупелные, прогулки — на дворике, на котором едва можно было повернуться. Все же в общем, ввиду господствовавшей свободы и хорошего отношения к нам администрации, о чем я подробно уже изложил в книге «16 лет в Сибири», зимовка в Бутырьках, действительно, была одним из хороших периодов в моей подневальной жизни. — Прим. Л.Г. Дейча.

7

Л.Г. Дейч — В.И. Засулич¹

1884, 10 (22) декабря
Москва

Поздравляю тебя и всех близких с заграничным Новым годом.

Дорогая, письмо твое от 22 нояб[ря] (4 дек[ря])², так же, как деньги — 30 руб [лей], — я получил очень скоро, но не отвечал потому, что все ждал от тебя ответа на первое мое письмо, посланное отсюда³ (которого ты, быть может, не получила). Также, вероятно, и ты не получила последнего моего письма из Одессы, большого (в два листа), писанного карандашом⁴. Не знаю также, получила ли ты 50 франков, высланные мною тебе из Одессы?

Я ужасно рад, что ты, как сообщаешь, «чрезвычайно бодрa» и что все родные здоровы. Также приятно мне было узнать, что с Аней ты в хороших отношениях. Передай ей от меня сердечнейший привет и всевозможные пожелания. К ней — она это знает — я питал всегда самые братские чувства и навсегда сохранил о ней воспоминание как об одном из самых близких, любимых мною людей. К сожалению, даже путем самой невероятной фантазии не могу себе представить того момента, когда свяжусь с ней, так же, впрочем, как и со всеми дорогими мне. Ну, да бесполезно сокрушаться об этом.

Пока, как я уже писал тебе, я доволен здешней обстановкой. Она во многом напоминает обстановку Дома предварительного заключения в Петербурге⁵, — такой же почти величины камеры, такие же койки и пр.; разница лишь та, что здесь нет при тюрьме библиотеки, зато разрешается получать книги из частных библиотек, исключая журналы и газеты. Гулять осужденные (таких пока нас трое) могут вместе до 1½ часов в день; пищу улучшать на свои деньги можем, конечно. Таким образом, как видишь, жаловаться не на что. Грустно только, что

не разрешают нам иметь свидания с административными, сидящими в этом же замке, но в отдельном здании. Я, как и Малеванный и Иван Николаевич, идущие на 5 лет в Вост[очную] Сибирь в администр[ативную] ссылку, подавали прошения ген[ерал]-губернатору о разрешении нам свиданий, но получили отказ. Но, наверное, разрешили бы видеться с кем-нибудь из родных, если бы они здесь были у меня. Вообще нравственное мое состояние куда лучше, чем было до суда. Не говоря уже о том, что теперь как бы свалилась тяжесть с плеч, — я могу заниматься чтением (что я и делаю), я не изолирован от людей вполне, — есть возможность обмениваться воспоминаниями и впечатлениями; последних, конечно, очень мало, и все они главным образом относятся к прошлому, давно минувшему. Вообще как здесь, так и по дороге сюда мне пришлось узнать (и испытать) много нового, неожиданного. Отчасти я уже сообщал тебе об удовольствии, доставленном мне совместным путешествием с Малеванным (и другими шестью административными). Разговорам и рассказам не было конца: в продолжение двух суток я буквально не смыкал глаз, и т[ак] к[ак] собеседники приставали ко мне с просьбами «рассказывать», то, подъезжая к Москве, совсем лишился голоса, — до того охрип. В Киеве все те же почти порядки, что были и в наше время⁶: в тюрьме, почти всегда переполненной нашим братом, заключенные пользуются теми же льготами, власти так же предупредительны и вежливы, молодежь большею частью так же впечатлительна и неопытна. Ты, конечно, читала в газетах о беспорядках в Киевском унив[ерситете] во время 50-летн[его] юбилея⁷ и о последнем бывшем там процессе 12-ти⁸, по к[о]т[ор]ому 4 приговорены к каторж[ным] работам. Особенно интересного, что бы стоило описать, я, конечно, не узнал.

Что же у вас нового? Слышал, что немцы провели 25 депутатов. Правда ли это? Вообще ужасно хотелось бы знать, что делается на Западе. Сообщи, насколько можешь. Хотелось бы также получить последние литературные новинки. Кстати, пришли мне некоторые дозволенные у нас произведения французских и немецких классиков (кроме Мольера и Шиллера, которые у меня имеются); а также я хотел бы иметь такой альбом, какой, помнишь, я послал Якову. Если не стесняешься в деньгах, то пришли мне также такую же теплую куртку (Boirgeoise), какую я ему послал, но из более дорогих. Книги и письма высылаю на адрес Его сиятельства, князя Оболенского (Большая Кисловка, дом Базилевского), а теплые вещи на адрес Г-на смотрителя Московской центральной пересыльной тюрьмы.

Пиши же, как вы все поживаете и о каждом в отдельности. Что поделявают Жорж, Роза и их дети?⁹ Павел, Надя и их чадо?¹⁰ Лизенку все собираюсь написать особо. Где тетушка Сара и как она поживает?

А ее родня, несмотря на всевозможные несчастья, постигшие их, все же сравнительно благоденствует и размножается¹¹. Нельзя совсем сказать того же о Сауле, котрый, как говорят, оставил по себе очень дурную память¹², так, как будто бы все его общания остались невыполненными.

Ну, крепко и много целую тебя и всех близких.

Твой Лев

Примечания

- ¹ Это письмо также подвергалось испытанию, нет ли в нем химического текста. Но в следующих уже не видно этого эксперимента – очевидно, убедились, что я не прибегаю к химии. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ² Письмо В.И. Засулич не разыскано.
- ³ Очевидно, док. 5.
- ⁴ Очевидно, док. 4.
- ⁵ См. прим. 1 к док. 3.
- ⁶ Л.Г. Дейч был арестован осенью 1877 г. и заключен в Киевскую тюрьму, откуда бежал с помощью М.В. Фроленко в мае 1878 г.
- ⁷ 23 августа (4 сентября) 1884 г. был введен Университетский устав, который фактически ликвидировал автономию университетов. Первым протестом против введения этого Устава явились волнения на торжествах, связанных с празднованием 50-летнего юбилея Киевского университета 7–9 сентября 1884 г. Подробное о событиях в Киевском университете см.: *Щетинина Г.И.* Студчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987, С. 95–100.
- ⁸ «Процесс 12-ти» проходил в ноябре 1884 г. в Киевском военно-окружном суде над членами киевской организации «Народная воля» (См.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1983).
- ⁹ Л.Г., Е.Г. и М.Г. Плехановы.
- ¹⁰ У Аксельродов было уже 3 детей: А.П., В.П. и С.П. Аксельрод. Скорее всего, речь идет о последней.
- ¹¹ *Под ее родней я, понятно, имел в виду ее единомышленников, – остатки «Народной воли». Под «размножением» я имел в виду оживление среди них, вызванное приездом в Россию Германа Лопатина (до его ареста).* – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹² Л.Г. Дейч говорит об итогах поездки С.Л. Гринфеста в Россию зимой 1883/84 гг. по поручению группы «Освобождение труда».

1885

8

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич, Г.В. Плеханову и П.Б. Аксельроду

1885, 26 января (6 февраля)
Москва

Позавчера получил твое письмо¹, дорогая сестра, вчера – теплые вещи, за которые, к крайнему сожалению, пришлось заплатить в таможену 10 руб[лей] золотом, – вероятно, этого² сама куртка не стоит; альбома же до сих пор нет³. Собищи, на какой адрес ты его выслала, справься на почте, дошел ли до русской границы? Очень буду огорчен, если он пропал: я его жду с большим нетерпением как приятное воспоминание о любимых местах.

Ты, вероятно, сама представляешь себе, какое отрадное впечатление произвели на меня твое (и Павлово) письма⁴: я читал и перечитывал их много раз. Судя по этому письму, ты не в дурном настроении, а это – главное. Жаль все же, что ты мало сообщаешь о своих занятиях и планах. Очень обрадовала меня твоя уверенность, что «никаких бед и опасностей не грозит» вам⁵. Из предыдущего же твоего письма, в котором ты сообщала, что «стеснена в деньгах», я заключил, что в этом причина медленности появления в печати работ Жоржа и Павла и, вообще, неблестящего положения ваших планов. Я не имею достаточных данных, но мне все же кажется, что мои опасения верны. Ты не сообщаешь бо-